

Николай Ольков

*И. Ермаков:
путь к храму*

Собрание сочинений. Том 2

Николай Ольков

**И. Ермаков: путь к храму.
Собрание сочинений. Том 2**

«Издательские решения»

Ольков Н. М.

И. Ермаков: путь к храму. Собрание сочинений. Том 2 /
Н. М. Ольков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836516-4

Иван Ермаков — легенда тюменской литературы 60–80-х годов прошлого века. Деревенский парень, образование семь классов, в двадцать лет старший лейтенант, командир маршевой роты. Сразу начал писать сказы, отринув бажовскую сказочность и мистику. Его сказы реалистичны, герои живут рядом, но язык удивительный, истинно народный, с сибирским привкусом. Он много работал, издал двадцать книг, печатался в журналах и газетах, его очень любили радио- и тележурналисты.

ISBN 978-5-44-836516-4

© Ольков Н. М.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	16
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

И. Ермаков: путь к храму

Собрание сочинений. Том 2

Николай Максимович Ольков

© Николай Максимович Ольков, 2017

ISBN 978-5-4483-6516-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван Ермаков. Легенда тюменской литературы 60-х – 80-х годов прошлого века. Деревенский парень, образование семь классов, в двадцать лет старший лейтенант, командир маршевой роты. Сразу начал писать сказы, отринув Бажовскую сказочность и мистику. Его сказы реалистичны, герои живут рядом, но язык удивительный, истинно народный, с сибирским привкусом. Он много работал, издал двадцать книг, печатался в журналах и газетах, его очень любили радио и тележурналисты: разговор с писателем всегда был острым, сочным, на грани дозволенного.

Судьба отвела ему недолгих пятьдесят лет жизни и только двадцать – для творчества. Он умер сразу после юбилея июльским днем 1974 года среди русских березок, так и не дойдя от дачи до трассы. Сейчас в Тюмени стали вспоминать о Ермакове, особенно в связи с образованием общества русской словесности. А биография остается размытой, растащенной якобы друзьями по эпизодам бурных застолий, придуманными скандалами «князя сибирского», как в шутку называл себя Ермаков. В этой книге собраны достоверные факты и доброжелательные высказывания. Показана работа уникального Мастера, умеющего из рядового факта жизни (а он писал, оказывается, практически документальные вещи) сделать литературное, а порой и государственного уровня событие.

После 25-летия Победы Ермаков побывал на Синявинских болотах, прошел путем своей роты, вернулся с твердым решением написать серьезный роман о войне. И название обозначил: «Храм на крови». Но осуществить намеченное не успел...

1

Позолоченным юным березняком и серебром ковыля отходящего лета украшена деревня Михайловка. Ванька любит смотреть на эту красоту со стороны центрального поселка, откуда видны избышки и домики, поросшая линияющим конотопом улица, по которой реденько пробегают телеги или дроги, а то и кошевка только что появившегося в деревне присланного из района председателя колхоза. Мала деревенька, да дорога сердцу Ивана, он часто бегал в центральный поселок имени Челюскинцев, который так строго никто не звал, а были просто Марковичи, потому что рядом протекала маленькая речушка с таким именем. Нет, Марковичи с Михайловкой не сравнить, село большое, грязи много, коли травка не растет. Ванька все рвался дознаться, откуда такое название – Марковичи, но в книгах об этом не писали, а старики на дотошные вопросы мальчишки пожимали плечами, только дед Федот, веселый и донельзя ехидный старик, подзывал и на ушко, но громко:

– Ванюшка, про Марковичи ничего не скажу, а вот отчего Устинку Рыжую Старшиной зовут, рассказать могу.

Кто-то из взрослых и серьезных мужиков одергивал:

– Федот, побойся Бога, ребенку...

Федот махал рукой:

– Ты слышал, партия сказала, что Бога нет, и стыд долой? Ладно, Ванюшка, я тебе другое поведаю.

И скрипучим своим голосом рассказывал, какие приключались в деревне события. Особенно Ивану понравилось, как попа привозили, чтобы изгнать нечистую силу из болота и ближнего леса, потому что скотина никак не хотела туда идти пастись и уже на всей окрестности траву в пол вбила, ущипнуть нечего.

– Попа обрядили, раздули его дымарь и повели к болоту. Три добрых мужика, хоть и верующие, однако дробовики с собой взяли и держали в положении «К атаке товсь!». Только подошли к болотцу, взвозгудал священник, а дьякон ему в подголосок жгучим тенором подмогнул, вышла из травы старая волчица с выводком. Мужики вроде ружья подняли, однако священник воскликнул:

– Остановите свое зло, и не волнуйте природу. Сама пришла — сама и уйдет!

И давай молитву читать, на колени стал, хоть и вода выжимается из-под ног. Волчица послушала немножко, и шумнула своим ребятишкам, чтобы за ней следовали. Увела, и тихо стало, и коровки мирно пасутся, и пастух подремать может на солнышке. Слышал ты, Ванька, про такое?

– Нет, дядя Федот, не доводилось.

– А диво стало от того, что стрелять перестали, нечем, да и незачем, мясо во дворе ходит. Вот волчица и облюбовала болотце, устроила там логово, ребятишек родила. А тут человек. Ладно, Ваня, ты ко мне приходи, я хоть и матерщинник, но историй доподлинных расскажу тебе столько, что всю жизнь будешь пересказывать, и люди хвалить станут.

2

Ваньке, а проще сказать – Ермаку, как зовут его ребетня, да и взрослые порой, доводя прозвище до ласкового: Ермаченоч, стукнуло десять, нынче пойдет в четвертый класс. Сам себе удивляется: школу не любит, потому что вольный, не любит подчиняется правилам и распорядкам, но на уроки ходит с интересом: каждый раз что-нибудь расскажет учитель. Арифметику с чистописанием ненавидит, но переживает, когда закончится тема, и учительница Алена Николаевна расскажет что-нибудь интересное. Она не деревенская, потому сколько всего знает – никто в деревне сравниться не может. Она дает Ване журналы и книжки и даже позволяет самому порыться в большом шкафу, запираемом на маленький висячий замочек. Перед каникулами он пришел с большим мешком, Алена Николаевна уезжает в отпуск в свой город, а без нее в шкаф не попасть, вот и решил набрать на все лето. Хотя знал, что для чтения придется время выкраивать, колхозный бригадир будет гонять на прополку, потом веники вязать для овец, потом копны возить на сенокосе, а осенью снопы возить на гумно, на складе работу найдут. Ваньша Ермаков не упирался, шел, куда велят, потому что за невыход мамке с отцом могли трудодни срезать.

Домой принес, пристроил на этажерке журналы с красивыми картинками: «Огонек», «Вокруг света», «Знание – сила», «Журнал для всех». Книжки сложил отдельной стопкой. Отец не одобрял увлечения сына: загорится у него в душе, а куда потом с наших достатков? Лучше бы к лошадям шел. Ванька взял кусок хлеба, несколько пёрышков лука со стола и подался на подызбицу, здесь тихо, все в тенетах, потому мух нет, а то бы забедили. Тут у него все оборудовано: старая дедовская шубейка, фуфайка в головах, свет в раскрытую дверцу. В журналах кроме ученых статей много интересных историй описано. Оказывается, в дальних странах живут народы, которые не имеют совести, ходят голышом, вот даже фотокарточки припечатаны. Но у них свои правила: все делится поровну. Убили зверя, мясо над костром поджарили, главный на куски режет и на широкие листья какого-то баобаба бросает, каждый берет и ест. Потом рыбу ловили, и тоже делили на всех. Ваньша улыбнулся: добрый, должно быть, народ, вот у нас этого не заведено. У Дробахина дом по-круглому, железом крыт, скота полный двор, понятно, что мясо не выедаются. А иные живут на картошке и хлебе, если уродит. В другом журнале прочитал про человека, который в бочке спустился по Ниагарскому водопаду и остался живой. Ну, про водопад этот Ваньша и раньше читал, а тут картинка: вода с огромной высоты летит в пенистую пучину. Видел ли мужик, куда его отправляют? Или заплатили большие деньги. У капиталистов так, о чем бы ни шел разговор – деньги вперед.

В деревне создали колхоз, два вечера зимой до полуночи сидели мужики в школе, упирались: от добра добро не ищут, своя пашня, свой покос, своя скотинка во дворе, и все это свести на общий двор, надо и сено привезти пару возов, а то чем кормить? Самое главное не могли понять мужики: зачем все это? Чем худо живется? Налог, какой положено для государства, отдаем. Дедушка Михаил Тихонович ворчал на сына:

– Михайло, не вздумай записаться, я на старости лет под общее одеяло спать не лягу.

Отец отмалчивался, перечить старшему нельзя, а как перечить советской власти? Многие пытались, в двадцать первом какую бучу подняли, а на ту же задницу и сели. Кого в снегах не убили, того в болотах словили, а года два назад последних подобрали, и ни слуху, ни духу. Вот и получается, плачь, но иди.

Первого сентября вся школа выкатилась на линейку. Ермаков подошел с друзьями, Федька толкнул в бок:

- Ермак, хохлы понаехали.
- Откуда?
- Из Вакариной.

– А чего это их к нам прибило?

– Не знаю, говорят, они в Копотиловой учились, так весной волки чуть не съели. Вот их и перевели.

– Интересно, – рассудил Ваньша. – А ведь у нас тоже волки есть.

– Слышь, Ермак, надо хохлов перво-наперво поколотить, чтобы знали, кто здесь хозяин.

– Выкинь из головы, за что их бить? Да и худые они все.

Сердитый голос директора расставил все по местам:

– Ермаков, строй свою команду, начинаем.

Пока говорили речи и носили взад-вперед красный флаг, Ваньша думал о своем. Вчера вечером поставил сети на озерке, а утром мать подняла корову подоить и в табун отправить. А в сетях, поди рыбы – в каждой ячее. Недаром он вплавь к камышам добирался, едва в сетке не запутался, но все-таки снасть установил. Теперь надо бы как-то незаметно скрыться, а то загонят в класс и будут два часа воспитывать, кто чем летом занимался. За Ермаком много чего числится, в основном по части огурешников. Дома огурцы с гряды свешиваются – нет, надо непременно в чужой огород забраться и хоть с половины гряды обобрать огурцы и тут же сложить. Баловство, конечно, но чем вечером заняться? Говорят, колхоз клуб обещал построить, только когда это будет? «Когда рак на горе свистнет» – это Федька так сказал про клуб. Наверно, так и будет, хотя ни раков, ни горы у нас нет. И клуба не будет.

А о клубе Ваньша мечтал. Он бы стал там стихи читать, например, Некрасова, а лучше Есенина, в каком-то старом журнале его стихи про деревню – сердце захватывает. Или организовал бы постановку, да не по пьесе какой-то, а сам придумал бы. Дед Федот ему много удивительных историй рассказал, половину можно разыграть в ролях.

Звонок заставил вздрогнуть. Ваньша давно к нему присматривался, знать, на доброй тройке под дугой висел этот колокольчик: большой, блестящий, и звук громкий, призывный. Не ехал ли Чехов на свой Сахалин под таким колокольчиком? Мог бы, хотя он через Ишим, но и там наши ямщики могли быть. А может гнали в глубь Сибири колодников, и он под дугой на старой конвойной кляче помогал им: «Динь-бом, динь-бом!».

Колоннами стали заходить в классы, Ермак перемахнул через ограду и скрылся в кустах черемухи. Быстро переоделся, и на озеро. Одежку скинул, сначала пошел, потом поплыл к дальней тычке, выдернул, аккуратно подплыл ко второй. Одной рукой грести неловко, да и сетка из ниток, намокла, тяжелая. Когда на ноги встал, полегче. Выволок на траву, тряхнул сеть, вместе с травой выпали караси – большие, желтые, плавники ярко красные. Сложил крупных в мешок, а мелочь легонько покидал в озеро: «Пусть растут!».

Рыбу и сетку принес домой, сеть развесил сушиться, а рыбу спустил в погреб, надо в школу сбежать, узнать, что там на завтра. На полдороге встретил кучку новеньких из Вакаринной, помятые, с синяками и ссадинами. Один, худой и белобрысый, перегнулся через прясло, кровь капает из носа. Увидел своих, стоят, Ермака побаиваются. Он махнул рукой, чтобы шли сюда. Подошли, поулыбываются. Ермак было замахнулся, но никого не ударил:

– Сказал же еще утрось: не трогать, дразнить тоже нечем, они хоть и хохлы, но наши.

Подошел к мальчишке, который наклонился у плетня и пережидал кровь, капавшую из разбитого носа.

– Ты откинься на спину, скорей присохнет. Как зовут?

– Васька.

– А я Ванька, Ермаков фамилия. Полежи. – Сам присел рядом на корточки. – Скажи своим, что больше никто не тронет, наши вообще-то не драчливые, видно, нынешним днем на солнце пятна.

– Кто на солнце? – переспросил Васька.

– Возмущение в природе, я читал, пишут, что на психику действует, дураком человек делается.

Васька приподнялся на локоток:

– Ермак, который на диком берегу, тебе не сродственник?

Иван небрежно пожал плечами:

– В своих, должно быть, фамиль так просто не образуется. Твоя какая фамилия?

– Кныш.

– Это по-каковски?

– А я знаю?

– У бати спроси. А вообще-то надо бы в книгах поискать, есть такие, в которых каждое слово разьямачено. Ну, ладно, нос присох, пошли. Ты где на квартире стоишь?

– У бабки Алферихи.

– В соседях будешь, только с бабкой тебе не повезло, ведьма. Я к ней в огуречник нынче залез, а она с дрыном поджидала, исполосовала мне спину, до тех пор драла, пока через плетень не перескочил. – Ваня весело засмеялся. – А дома мать добавила, со всех сторон бедному Ваньке прибыль!

3

Летом 1942 года Ермаков получил повестку явиться в военкомат с вещами и трехдневным запасом питания. Поехали на Восток, даже слушок прошел, что охранять страну Советов от японцев. Но в Омске дали команду выйти из вагонов и построиться. Пешим порядком повели по городу. Иван заметил, что люди останавливаются и взглядами провожают нечеткий строй. Каждый видел через них своего, родного, и каждый – верующий и не очень – молча благословлял этих ребят. Никто тогда не знал, что из этого года призыва в живых останутся двое из десяти.

Ермаков зачисляется курсантом Второго Омского военно-пехотного училища. Курс обучения – ускоренный. Это значит, что кроме сна и приема пищи – все время только учебе и учениям. На общем построении начальник училища полковник Киселев, уже хлебнувший войны и направленный после ранения воспитывать молодых офицеров, сказал:

– Товарищ курсанты! Не ждите легкой жизни. Мы должны сделать вас командирами, способными в боевых условиях принимать правильные решения. Вы будете командирами взводов в пехоте, а пехота сегодня – основа Красной Армии. Вы будете учиться не просто кричать «Ура!», для этого есть другие учебные заведения, вы должны научиться понимать солдата, простого русского мужика, которого оторвали от сохи, от станка и вложили в руки винтовку. Солдат делает победу, а командир виноват в поражении. Запомните это сынки, с первого дня.

Почти полгода напряженной учебы, занятия тактикой боя, работа с топографическими картами. Ежедневные пешие переходы, зимой ходьба на лыжах. Иван все воспринимает, как должное, в редких письмах не жалуется, да и кому: отца и брата тоже призвали, мать осталась одна. После Нового года начались экзамены, спрос жесткий, все выдержал – лейтенант, слабоват – младший лейтенант. Курсант Ермаков получил два кубика – лейтенант. Красоваться некогда, вечером пешим порядком на разъезд, куда подают воинский эшелон, погрузка, размещение в общих вагонах. Хотелось повидаться с матерью, но кто повезет ее в Ишим, да и остановится ли эшелон на станции, не та обстановка на фронтах, чтобы прогулки по перрону устраивать. Иван на верхней полке записывает в толстую тетрадку стихи, которые в училище сочинялись на ходу. Поглядывает в окно: Мангут, Маслянка, скоро Ишим. Поезд сбавляет ход. Значит, будет стоянка. Надел бушлат, шапку, выскочил из вагона, и носом к носу столкнулся с земляком, Захаром Прокопьевичем. Он в годах, призыву не подлежит.

– Ваньша! А я думал, ты на театр уехал, – пошутил земляк.

– На театр и еду, видишь, досталась мне по жизни роль Ваньки взводного. Говори, как деревня.

Мужичек сник:

– Худо, Ваня, на деревне. Жить нечем, все отдаем фронту, если не отдал – отберут, да еще и оштрафуют. Пожрать – одна картошка, если коровки нет – гибель, особенно среди детишек. Мрут малые-то.

– Мать моя как?

– Да как и все, робит с утра до вечера. Ладно, она женщина бойкая на язык, дак не дает бабам с ума сойти. Нина Михайловна молодец.

Кто-то крикнул:

– По вагонам!

Иван обнял Захара Прокопьевича, как родного:

– Поклон всем передавай. Да, а ты по какому случаю тут?

– Не сказал бы... Мясца чуток сам у себя украл, вот, по кусочку продаю. Налог-то в деньгах надо, а не в слезах. Воюй и живым вертайся, нам в деревне живые мужики нужны, уж больно похоронки густо идут.

Последние слова Иван едва слышал за свистом паровоза и звоном вагонных сцепок. Он опять запрыгнул на верхнюю полку. После прогулки ребята оживились, пошли анекдоты, озорные рассказы. Иван записал в тетрадке «Солдатские нескучалки». Само слово придумалось, а потом будет книжка с таким названием, но до этого надо еще дожить...

А внизу уже все решено: едем под Москву фашиста от столицы дальше гнать. А судя по станциям, повело состав северней, а потом Вологда, Череповецк и Тихвин. Затишье на участке, куда пешком и попутным транспортом добрался лейтенант Ермаков, как будто и нет войны. В батальоне дали сопровождающего штабного, и пошел командир принимать свой взвод. Сопровождающий капитан предупредил:

– Командира взвода на днях убило, взвод многонациональный, это тоже учти. Все солдаты обстреляны, так что ты самый молодой будешь.

Иван промолчал. Видя начальство, старшина крикнул:

– Взвод, стройся!

Доложил, поздоровались, штабной представил командира. Лейтенант Ермаков сказал, что он сибиряк, только что с курсов, войны не видел, добавил сурово, что будем учиться по обстановке. Взвод в составе роты выдвинулся к переднему краю, старые вояки понимали, что скоро будет атака.

– Товарищ командир, а впереди что?

Ермаков глянул на карту еще раз, как будто там что-то могло измениться.

– Населенный пункт.

– Брать будем?

– Пока команды не было.

– Артподготовка будет, хоть для смелости?

– Не могу знать.

С тыла несколько орудий сделали по три выстрела. Ротный встал в полный рост:

– Вперед, бойцы! За Родину.

Солдаты нехотя поднялись в атаку. От деревни ударили минометы, но мины легли чуть впереди, первая цепь замерла, и Ермаков крикнул:

– Только вперед, не дайте им пристреляться!

Солдаты, пригнувшись, бежали, не стреляя, потому что ни один фашист не показался. Минометы ударили еще раз, с перелетом. «Правильно сделал, лейтенант», – похвалил сам себя Ермаков. Первая цепь открыла стрельбу, и только потом выяснилось, что три миномета оставили для прикрытия, основные силы отступили раньше. Вот и палили мужики вдогонку резво убегающим минометчикам.

Ермаков с удивлением наблюдал, что воинскую работу мужики исполняют как любую другую, например, отправил бы бригадир колхозника Шемякина за сеном на луг на паре лошадей, он точно так же сначала сел бы на табуретку, снял пимы и навернул по-свежему портянки, потуже затянул ремень на бушлате, развязал вязки на ушанке и распустил шапку, прикрыв уши, потом похлопал бы рукавицами и пошел: там – лошадей запрягать, тут в боевое охранение, потому что оставлять роту без присмотра никак нельзя. Говорят, на соседнем участке лазутчики фашистские, тоже не дураки, со стороны болота пробрались и ночью вырезали полвзвода, пока шум не поднялся. А потом еще скольких положили, кто спросонья, и исчезли. Поговаривают, что ротный и трибунала дожидаться не стал, застрелился.

Как понял Ермаков со слов начальника штаба батальона на очередном инструктаже, задача наша простая: наступать будем по возможности, пока не проломают блокаду Ленинграда, но и пропускать противника далее в глубь исконно русских северных земель нельзя. «Как псы сторожевые на привязи», – проворчал один из командиров, но слов его, к счастью, не услышал никто из комсостава повыше, а то бы крепко нагорело лейтенанту.

Подошел к нему казах Тасмухаметов:

– Товарищ командир, сидим в болоте, на кочках спим, как курицы на седале, а вот тот сосняк видите?

– Вижу. Говори.

– Сосна растет на песке. Наш аул в лесу стоял, мы колхозный скот пасли, а рядом сосновый бор, люди туда за грибами приходили.

– Ты суть говори, Тасмухаметов.

– Вот я и говорю, казахи грибы не едят, им мясо надо. Так те сосны в песке, целый метр надо копать. Мы хотели там мусульманское кладбище сделать – сельсовет не разрешил.

– Понял тебя, Тасмухаметов. Спасибо.

А сам пошел к ротному:

– Товарищ капитан, разрешите мне со взводом передислоцироваться вон в тот сосняк, там место повыше, можно хоть чуток в землю зарыться. Испростыли мужики.

– А не боишься, что сосны – хороший ориентир при артобстреле.

– Да все мы тут неплохой ориентир, – огрызнулся Ермаков, но согласие получил. Вечером по темноте перетащились, правда, место высокое, песок, стали копать землянки. Спилили несколько деревьев, обустроились кое-как.

Утром начался артиллерийский обстрел позиций батальона, которые противник неплохо знал.

– Это дальняя артиллерия бьет, калибр крупный. Они думают, что у нас тут бронетехника, – хихикнул старшина Алешин.

Следом налетела пятерка самолетов, сбросили бомбы, обстреляли окопы из пулеметов. Несколько наших зениток отпугнули их. И тут началась атака пехоты. Такой массы фашистов Ермаков еще не видел. Его взвод оказался левее направления атаки, потому он дал команду себя не обнаруживать и подождать, когда волна атакующих выйдет во фланг. Он видел сосредоточенные лица бойцов, видел и тех, кто до смерти боялся атаки: бледные, взмокшие лица. Прополз вдоль окопов, толкнул в бок одного, другого:

– Успокойся, пойдем в атаку – не паникуй, не вздумай прятаться. Ты закон знаешь. Смелее, все равно мы победим, об этом думай.

Настала минута, Ермаков встал во весь рост, крикнул:

– В атаку!

Он бежал, ничего не видя перед собой, только фигурки немецких солдат, которые вдруг остановились и залегли, пытаясь встретить огнем взвод Ермакова. В это время два взвода передовой обороны тоже перешли в контратаку, и атакующее подразделение немцев попало в клещи. Ермаков сделал несколько прицельных выстрелов из пистолета, а впереди уже началась рукопашная. Он залег и расстрелял несколько обойм, так и не видя, убил кого или все впустую. Небольшая группа противника вырвалась и побежала назад.

– Гнать и уничтожать! – скомандовал ротный, раненый в левую руку, кровь стекала с пальцев. Ермаков бросился вместе с солдатами, но старшина Алешин крикнул:

– Ребята, не увлекайтесь, у них там пулеметы!

Тогда Ермаков, вспомнив стрелковые возможности пулемета, скомандовал:

– Ложись! Прекратить преследование.

Чуть опоздал командир. Несколько пулеметов ударили одновременно, и с десятков бойцов упали замертво. Началось паническое отползание назад, пулеметы ничем нельзя было остановить.

– Зарывайтесь в снег, – кричал старшина. – ждите темноты, а то перебьют всех.

Страшный день. Взвод потерял восемь бойцов, тут же, в сосняке, долбили могилу, топором перерубая крепкие корни сосны.

Взвод отвели на отдых и переформирование. В деревне, в теплой избе Ермаков доставал свою тетрадь. Писал стихи. О природе северного края, о своих солдатах, о Ниночке-сани-

тарке, о доме, о Родине. Уже тогда отлились бронзой в памяти слова будущих книжных страниц об этом суровом и жестоком времени. Четверть века спустя он напишет:

«Поименные деревья

Хоронили Тасмухамедова. Нашли его голову.

Тогда, через год жесткой обороны, мне подумалось, что деревьев на нашей высотке осталось куда меньше, чем солдат, похороненных под корнями и между корнями тех самых и некогда бывших деревьев.

Я был взводным на этой высотке.

Иногда мне становится стыдно, живому, что я не сумею без списка, по памяти, сделать своему взводу посмертную пофамильную перекличку.

Неповторимы смерти, неповторимы деревья, видевшие и принявшие в корни свои солдатскую смерть на удельной своей высоте. Каждое из них было братски похожим одно на другое и каждое, в то же время, было единственным в мире в своей непохожести. Природа неутомима в поисках единичности, и, если однажды поделит она свои океаны на капли, то сотворит это так, чтобы в квадриллионах их не было двух одинаковых.

Что уж тут говорить о деревьях... Может быть, в соковом и зелёном их таинстве есть у каждого индивидуума свой тембр и своя окраска голоса, – и даже – свои имена. Ведь для природы, в поисках единичности, не составляет труда явить святцы, в которых бы каждому дереву было вписано его, несозвучное с прочими, имя.

Так думается мне потому, что остались на этой высотке мои поименные деревья. А что я, что я перед вечным творцом – перед вечным глаголом природы? Но, однако же, есть и у меня на земле, на той самой высотке: Дерево – Иван Петрович Купцов, Дерево – Тягляшев, Дерево – Фарахутдинов».

После отдыха опять в окопы, опять глухая оборона с редкими и неудачными попытками прорваться ближе к Ленинграду. Пришел в расположение ротный политрук старший лейтенант Гоголадзе, красивый молодой грузин.

– Ермаков, в батальоне даже знают, как вы своей своевременной командой спасли солдат от пулемётов. Молодец.

– Команда опоздала, товарищ политрук, и я виноват.

– Ну, не надо так грустно, это война, если бы все удавалось, и дела бы шли по-другому. Лейтенант Ермаков, есть мнение командования рекомендовать вас в партию большевиков.

Иван встал:

– Спасибо за доверие, товарищ политрук, но мне рано в партию, всего девятнадцать лет.

Гоголадзе улыбнулся очаровательной улыбкой:

– Ермаков, на пулеметы с пистолетом бежать тебе не рано? Родина доверила тебе командовать взводом, доверила полсотни своих сынов – это не рано? Имей в виду: бьют не по годам, а по ребрам. Потому неделя срока, переговоры с коммунистами по рекомендациям, и будем оформлять документы. Подожди, Ермаков, может, ты боишься? Боишься попасть в плен, боишься, что фашисты будут звезды выжигать на груди и на спине?

– Никак нет, не боюсь, и про звезды знаю. Но в плен не собираюсь сдаваться, у меня еще в жизни ничего не сделано. А документы я соберу, товарищ политрук.

Собрание провели в перерыве между боями. Встал командир батальона майор Петровский:

– За полгода службы лейтенант Ермаков проявил себя умелым и грамотным командиром, во взводе у него полный порядок, бойцы командира уважают, это я сам видел. Потому без лишних слов: принять Ермакова кандидатом в члены ВКП (б).

Проголосовали единогласно. Через три месяца, как особо отличившийся, Ермаков был принят в члены партии коммунистов.

Наконец, Волховский фронт стал переходить в наступление, из-за невозможности прохода по болотам танков усилили поддержку авиацией. С жестокими боями прошли городок Небольчи, Ермакова назначают командиром роты, которая потеряла половину личного состава. Ее быстро пополняют и направляют на Малую Вишеру. Начало января, жестокие морозы. Командир батальона объявляет, что к вечеру в роты привезут полушубки. Вот тогда и выдали ермаковской роте поношенные бушлаты. Бойцы подняли шум, прибежал командир, а интендант, сволочь, улыбается:

– Чем богаты...

У Ивана в глазах потемнело: люди на морозе в шинельках и фуфайках, а он вместо полушубков... Схватил капитана за грудки, а тот ему на ухо:

– У майора Шумейко из батальона поинтересуйся, где ваши полушубки.

Иван Шумейку искать не стал, а капитану так врезал, что едва живого увезли. Тут же особисты, в батальон, замполит в гневе: офицер поднял руку на офицера, и это во время боевых действий! Ермаков все написал, как было, вызывают к полковнику, командиру дивизии.

– Ермаков, все именно так и было, как ты написал в бумаге? Учти, если соврал... в трибунал я тебя не отдам, нет у меня лишних ротных. А партбилет отберут. Но, сынок, и без партбилета можно и нужно бить врага. Согласен?

– Так точно.

– Завтра опять идем на прорыв, нам надо разломить Ленинградское кольцо хоть с этой стороны, тогда все поползет. Езжай в роту, я комбату позвоню. Вой, Ваньша!

Бойцы встретили угрюмой тишиной, а когда узнали, что вернулся ротный, кинулись обнимать. Старшина Алешин даже прослезился:

– Нам сказали, что трибунал тебе светит, командир. И партбилет – не баба, без него жить можно.

Солдаты захохотали:

– Ну, старшина, сказанул.

– Мы тут по три года без баб, и ничего.

– Кто три, а кто и все пять.

– С чего?

– С того. Я до войны в Белорусском округе срочную проходил.

На другой день взяли Малую Вишеру и с боями вышли на Новгород. Ермакову присвоили звание старшего лейтенанта.

Великий Новгород был оставлен войсками Красной Армии 19 августа 1941 года. Длинным и трудным был путь к желанной победе. Оккупация длилась 883 дня. Операция по освобождению города от фашистов началась 14 января 1944 года. Она стала первым этапом стратегической операции из так называемых десяти «Сталинских ударов» 1944 года. 20 января 1944 года советские войска водрузили красное знамя на древней кремлевской стене. В Москве в честь освобождения Новгорода был дан салют.

С освобождения Новгорода в результате Новгородско-Лужской операции началась операция по окончательному снятию блокады Ленинграда, мощное контрнаступление по всему Северо-Западному направлению. После разгрома фашистов под Новгородом всем стало окончательно ясно: к Москве враг не пройдет.

Потери Волховского и Северо-Западного фронтов в результате обороны и освобождения Новгорода составили более 750 тысяч бойцов убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести.

За время оккупации Новгород был почти полностью разрушен. Некоторые уникальные достопримечательности города безвозвратно погибли. Разрушения были столь велики, что воспринимались как непоправимая утрата части национальной культуры.

Здесь при жестоком артиллерийском обстреле старший лейтенант Ермаков был ранен в голову и контужен. Санчасть, потом госпиталь, длительное лечение и списание с боевой службы, перевод в МВД только что освобожденной Эстонии.

Но навсегда запомнил Иван застольную фронтовую песню Волховского фронта, случилось, после третьей рюмки просил:

– Ребята, давайте нашу фронтовую застольную...

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но, уж когда довелось, —
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.
Пусть вместе с нами земля Ленинградская
Вспомнит былые дела,
Вспомнит, как русская сила солдатская
Немцев за Тихвин гнала.
Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг.
Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробивался болотами,
Горло ломая врагу.
Будут в преданьях навеки прославлены,
Под пулеметной пургой,
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.
Встанем и чокнемся кружками стоя мы,
Братство друзей боевых.
Выпьем за мужество павших героями.

4

Поезд везет Ермакова на восток. Мама Нина Михайловна прислала телеграмму, что сильно болен дедушка Михаил Тихонович, просил любимого внука приехать проститься. Да, Иван не был в родных краях девять долгих лет. Уезжал на фронт безусым мальчишкой, после обосновался в Эстонии, ничто особо не держало, но возвращаться на родину не планировал. С телеграммой пошел к начальству, дали отпуск, поехал. В вагоне стоял у окна, видел строящиеся города, технику на полях, весна, крестьяне сеют, чтобы страна была с хлебом. За Уралом сердце забилося сильнее: вот она, родина малая, березовые колки, озера, окаймленные камышами, деревеньки бедненькие, но на полях тоже тракторы, не женщины с лукошками, как было в войну. Тюмень, областной центр. Поезд стоит полчаса, Иван вышел на привокзальную площадь: да, бывший уездный городишко надо благоустраивать, надо перестраивать, выводить на уровень столицы новой Тюменской области. Он видел на карте, что область размахнулась от казахских степей до Ледовитого океана, половину Европы может вместить.

Из Ишима на автобусе доехал до Ларихи, тут уже ждут, Миша Дробахин приехал на дрожках, Ишим разлился, приходится объезжать горой. Домой прибыли ночью. Мать, поплакавши, сказала:

– У меня банешка подтоплена, пойди, обмойся, да я тебя покормлю.

– Погоди, я около деда посижу. Что же ты лежишь, дед Михаил? Вставай, внук прибыл, – пытался ободрить старика.

– Все, Ваня, тебя повидал, и сердце на месте. Теперь и помирать можно.

Дед умер через два дня. После похорон мать впервые осторожно спросила:

– Ваня, ты, поди, обратно поедешь?

– Мама, я же в отпуске, через неделю отправляюсь.

Но не суждено было Ивановым планам сбыться. Пришел в клуб в поселке, хотя уж не мальчик – на танец девушек приглашать, присел на лавку у стены, осмотрелся. «Да, Ваня, ничего тебе тут не светит, ни одной девчонки не узнаю. Понятно, девять лет прошло, молодняк вырос, не мне чета». И вдруг екнуло сердце: стоит у стенки девушка, мало сказать – красивая, а такая, что просто – ах! Роста небольшого, статная, фигура, как у артистки, русоволосая, лицо чистое, словно мастером написано. Огляделся, у кого спросить, подошел к знакомому гармонисту:

– Кто эта красавица? – спросил.

Гармонист над гармошкой склонился, чтобы хорошенько посмотреть:

– Это Тонька, в совхозной бухгалтерии сидит.

– Не наша вроде?

– Приезжая. Сестра ее замужем за директором, она у них и квартирует.

Иван осторожно поинтересовался:

– Есть у ней кавалер? – как бы между прочим спросил.

– Полно, – ответил гармонист. – В случае чего седьмым будешь.

Ивана это не устраивало. Он ткнул гармониста в бок: «Вальс!»), а сам четким шагом направился к девушке, опередив двух молодцев, собравшихся туда же. Подошел, поклонился и сказал, как учили эстонские девушки:

– Разрешите пригласить вас на танец!

Девушка с удивлением кивнула, и обрадованный Иван чуть не на руках понес ее в головокружительном вальсе. Когда гармонист сомкнул меха, Иван проводил девушку до места и встал рядом:

– Извините, во время танца не совсем удобно говорить, даже познакомиться не сумели.

Иван Ермаков, только что прибыл в отпуск из Эстонии. А вы Тоня?

– Да. Мячкина. Работаю в бухгалтерии совхоза.

– Я уже знаю. Я, кажется, все про вас знаю. Пойдемте отсюда, вечер сегодня прекрасный. Вышли на крыльцо.

– Дожливый вечер вы называете прекрасным?

Иван шел напролом:

– Да, прекрасным, потому что именно в этот вечер я встретил вас.

– Ну, не встретили, а увидели у стенки. А вы вовремя подошли, потому что я собиралась домой. Скучно.

Ивана понесло:

– Давайте, я расскажу вам веселые истории из военной жизни.

Тоня остановила:

– Нет-нет, какие на войне могли быть веселые истории?

– Тоня, если человек на войне три года, если война стала его жизнью, а в жизни как без шутки и веселых историй? Могу рассказать, как мы на Волховском фронте меняли Гитлера на портянки.

Тоня улыбнулась.

– А еще интересней, как от батьки Бандеры коза ушла добровольцем к нам в маршевую роту.

Девушка уже смеялась.

– Но, наверное, всего интересней, как военфельдшер Вася Анисимов, перевязывавший мои раны в августе сорок третьего, атеист и безбожник, уговорил православного батюшку в день 9 мая сорок пятого года отслужить благодарственный молебен во имя Победы, а когда тот уперся, что у него звонарь прихворнул, подрядился сам заменить звонаря, и устроил на колокольне такой тарарам, что комендатура приехала разбираться.

Тоня посмеялась от души, а потом сказала, что ей надо идти домой, утром на работу.

– Я прошу вас, давайте встретимся завтра на плотине. Я покажу вам свою деревню Михайловку.

– А я ее знаю, бывала по делам.

– Тоня! – вздохнул Иван. – Кто лучше меня сможет показать и рассказать вам про Михайловку, милую мою деревню?! Соглашайтесь. Во век не пожалеете.

Тоня спросила с улыбкой:

– Иван, вы стихи не пишете?

Бравый ухажер покраснел:

– Как вы угадали?

– Не знаю. Почувствовала.

– Писал, Тоня, и до войны и на фронте, только мыши все мои стихи прочитали и съели вместе с тетрадкой.

– Как жалко! – Посочувствовала девушка.

– Ничего, Тоня, все еще впереди. Я буду писать, только, похоже, не стихи.

– Ладно. Остальное расскажете завтра.

Иван долго не спал на домашних полатях, мать проворчала:

– Ты долго будешь скрипеть досками? Спи. Или в совхозе на девок нагляделся? Чтоб хоть одна тебя соблазнила да привязала бы к дому!

– Все, мама, сплю.

День занимался во дворе, крышу на стаюшке поправил, городьбу на огороде подновил, с нетерпением ждал вечера. Погладил брюки и рубашку, чем насторожил мать, Нина Михайловна с надеждой глядела на эти приготовления, понимая, что так просто Иван блеск наводить не станет.

Как стало темнеть, рванул на плотину, встал в сторонке, чтобы людей не смущать, и увидел ее, быстрой походкой идущую навстречу. Взял за руки, не оттолкнула.

– Тоня!

– Не надо. Вам через неделю уезжать, там, наверное, жена, дети. Я пришла только потому, что обещала, но это наша последняя встреча.

Иван огорчился:

– Что же ты так, Тоня? Я со сей душой, а ты мне про отъезд. А я уж решил, что никуда не поеду, да и не ждет меня никто. Буду за тобой ухаживать, ждать буду, пока согласишься за меня замуж выйти.

Не мог в сумерках видеть Иван, как смутилась девушка, какая светлая улыбка проскользнула по ее лицу. Сразу запал ей в душу этот грубоватый, не особо ловкий, не юноша даже – мужчина. Поделилась с сестрой Анной, она посоветовала присмотреться, все-таки издалека приехал, кто знает, что у него на уме? А когда узнала, что Ермаков с почты телеграмму дал в Эстонию на свою работу, чтобы трудовую книжку выслали, кивнула сестре: «Кажется, у него серьезные намерения».

Да уж куда серьезней! Подъехал к совхозной конторе на лошадке управляющего, запряженной в кошевку, едва выпросил, вызвал Тоню:

– Сбегай домой, возьми паспорт.

– Он у меня с собой, в сумочке.

– Тогда садись. Поедем в Покровку, там у меня председатель сельсовета знакомый, распишемся и штампы поставим. Я, Тоня, без тебя уже дышать не могу.

Девушка стояла у кошевки и не знала, что же ей делать?

– Может, я хоть сестру спрошу?

– О чем? Ты у себя спроси, любишь или нет. Ну, что тебе ответило твое ласковое сердце?

Она шепнула:

– Сказало, что любит.

Жить стали в доме Щербаковых, отвели им комнатку. А через несколько недель Иван получил вызов на учебу в Тобольск. Тоня знала, что он ездил сдавал экзамены, потому встретила новость спокойно, а сестра Анна поджала губы:

– И ты его отпускаешь? Не боишься, что соломенной вдовой останешься?

– Не боюсь, Аня, я Ивану верю, и учиться ему надо.

Уехал, писал письма, звонил каждую неделю. Писал, что усиленно занимается театральным делом, оценки получает хорошие. На каникулах дома пошел в бригаду плотников, отработал месяц, все-таки не просить у жены денег на дорогу. Тоня в положении, так жалко было ее оставлять. Когда родила, перешла к свекровке, так договорились с мужем. Нина Михайловна водилась со Светланкой, Тоня вышла на работу. Сдав очередные экзамены, Иван приехал и сказал:

– Все, жена моя дорогая, видно, поздно Ваньке учиться, буду своим умом доходить, если потребуется.

На работу пригласили в Михайловский клуб. Иван не долго думал, сразу собрал молодежь и начали репетицию спектакля. Потом обошел женщин, пригласил в клуб, стол накрыли, песен попели, всем понравилось. Стали собираться каждую неделю, спевки до того довели, что стекла в оконных рамах дребезжали. И на торжественном вечере, посвященном годовщине Великого Октября, для жителей Михайловки поставили невиданный концерт со спектаклем и большим хором. Об этом написала районная газета, приехал заведующий отделом культуры отставной капитан Головачев. Узнав, что Ермаков тоже фронтовик, да к тому же в офицерском звании, Головачев предложил с годик поработать, а потом перевод в районный дом культуры.

Иван в каникулы собрал ребятишек и показал им кукольный спектакль, сыгранный одним актером. Ребятишек куклы очаровали, стали осваивать азы мастерства кукловода, принесли

кусочки тканей и иголки с нитками, стали шить куклы с перчатками для управления пальцами. Ивану нравилось, сколько радости доставляли детям эти работы, а потом и маленькие постановки.

Головачев сдержал свое слово, перевел Ивана Михайловича на должность директора районного дома культуры. Тоня решительно возражала, потому что знала обстановку в этом заведении: каждое мероприятие заканчивалось застольем, и она не хотела, чтобы муж, с войны склонный к традиционным «наркомовским», окончательно увлекся спиртным.

– Ваня, может быть, не стоит ехать? – спросила Антонина.

– Ничего не бойся, ты же видишь, что тут мне уже нечего делать, мне не интересно. А в РДК такие возможности!

Переехали, получили скромное жилье, Иван днями и вечерами пропадал к доме культуры. Часто возвращался с запашком, но Тоня мирилась. В первый же праздник дом культуры показал большой и интересный концерт. Сам Ермаков читал отрывок из только что вышедшей поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин». Он в это исполнение вложил весь свой артистизм, не читал, а играл моноспектакль, спектакль одного актера. Зал был в восторге, на сцену вышел первый секретарь райкома партии Козырев и от души поблагодарил самодеятельных артистов.

Дела в доме культуры круто пошли в гору, то хор, то драматический коллектив, то солисты со чтецами привозили с зональных и областных конкурсов и смотров грамоты и дипломы. Так продолжалось почти два года. В один из праздников после «закулисного» банкета Антонина не выдержала. Утром состоялся жесткий разговор:

– Иван, это плохо кончится, брось дом культуры, давай вернемся домой. Помнишь, ты рассказывал мне разные веселые и очень интересные истории, что ты писал стихи и обязательно будешь писать. Здесь это невозможно. Я увезу тебя в деревню, там мама, тебе будет спокойно, душа твоя встанет на место. Решай. Если ты откажешься, я уеду одна.

Это был один из трудных дней в его жизни. «Тоня права, тут все возможности, чтобы свалиться в пропасть. Да, писать, надо писать. Столько в голове задумок! Едем, решено!»

Утром пришел в отдел культуры и написал заявление, его уговаривали, просили, пугали – он забрал трудовую книжку и отказался ставить «отходную».

5

Сам Ермаков поначалу не любил об этом вспоминать, да и шутки друзей и знакомых воспринимал угрюмо. Но так было, и ни убавить, ни прибавить.

После возвращения в деревню с районных гастролей он места себе не мог найти: садился за ночные бумаги – слова не шли, начнет вслух выговаривать – вроде складно, как и мечталось, а на листок не ложатся. В клубе место занято, не станешь выживать человека, хотя девица эта только ключи носит. Хотел в совхоз пойти, не выболел, может любую работу – Тоня поперек встала. И до того мужику тошно, хоть волком вой.

И вот под такое настроение слышит он утром последние известия: Израиль вероломно напал на Египет. И тут же заявление Советского Правительства, что, если наглое избиение Египта не прекратится, то Советский Союз не будет препятствовать выезду добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за свою независимость. «Эх, – махнул рукой вчерашний фронтовик, – кто, если не русский солдат, заступится за невинно обиженного?». Собрал документы, когда Тоня на работу ушла, оделся потеплее: полушубок новый, сибирских барашков мех, под черный блестящий хром выделанный, неделю назад Тоня из сельпо принесла. Все летичко яйца да осенью мясо за него сдали. Оделся, выскочил на большак, и первой же машиной в район, а там быстрым шагом к военкомату. Зашел к военкому, по-военному доложил:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

– Слушаю. – Военный комиссар Панов встал.

– Старший лейтенант запаса Ермаков. Прошу направить меня добровольцем на Ближний Восток помочь египетским товарищам в борьбе с Израилем.

Панов пригласил сесть, сам не знал, что сказать. Наконец, сообразил:

– Рад приветствовать вашу решительность, но пока никаких указаний по добровольцам нет. Где вы остановились? Если до вечера не вызову, завтра утром к десяти часам.

Пошел к другу, посидели, скучно дома, в чайную собрались. А там мужики с пивом, с водкой, уже прослышали про добровольцев. Оказывается, еще пара человек побывала у военкома. Сидит Иван за столиком, а какой-то хлюст подначивает:

– Ты не в этой ли шубе в Египет собрался? Там жара, в одних трусах воюют. Уступи шубу, она тебе ни к чему. Али ты только порисоваться, мол, герой, готов хоть сейчас, а завтра сядешь в автобус, да к бабе под юбку.

И вскипела в Иване подогретая выпитым кровь, выиграла мужская гордость, скинул он полушубок и над головой поднял:

– Восемьсот рублей неделю назад заплачено.

Хлюст тут как тут, отвернулся к стенке, подштаники ослабил, отслонявил восемь сто-рублевков, а Ивану фуфайку свою оставил и смылся.

Утром по морозцу явился Иван в военкомат, Панов мимо прошел, не узнал, не поздоровался.

– Что хотел, молодой человек? Ба, да вы вчерашний доброволец, а шуба, извините...

– Нету шубы. В Египте и без шубы жарко будет.

– Так-то оно так, – согласился комиссар, – но насчет добровольцев есть приказ воздержаться. Так что поезжайте домой, в случае необходимости мы вас вызовем.

Грустным вышел Иван из военкомата. Как домой ехать, что Тоне сказать?

А военком дивится:

– И кто это произнес, что русские долго запрягают?

Приехал в деревню по темну, в дом вошел – Тоня за сердце схватилась:

– Что с тобой, Ваня? А полушубок...

– Нету, Тоня.

И все, как есть, рассказал. Тоня обняла буйну голову:

– Ладно, Ваня, честь и совесть наша с нами, а шубу мы наживем.

Иван благодарно посмотрел на жену: умница, где другую такую сыщешь?

Через несколько лет Ермаков создаст сказ «Костя-Египтянин», в котором этот случай выписан очень живописно. Хотя говорили в то время, что и про шубу, и про добровольцев Иван придумал, и рассказал эту историю, как воистину бывшую. Ведь все знали ее только с его слов.

После конфуза с Египтом и незамедлительно сделавшейся известной в деревне и окрестностях истории с хромовым полушубком, совсем неумоготу стало Ивану. Тоня боится лишнего слова сказать, сестра, опытная в семейных делах, предупредила:

– Тоня, с мужиками такое бывает, не сложилось – они уже и руки опустили, все, конец света, вроде и жить не знают, как, да и вообще стоит ли.

Тоня за сердце:

– Сестрица, ты меня не пугай.

– Я не пугаю, а предупреждаю: не лезь в ту минуту, они, подлецы, с горя и запить могут.

Иван ранним утром уходил в пронзительный березовый лесок, который по едва заметной гриве поднимался от деревни и смешивался с другими. Набрел как-то на деляну, лес выпилен, пятеро мужиков дом рубят. Одна клетка сруба в четыре ряда стоит в сторонке, подошел поближе – мужики не свои, поздравились, познакомились.

– Вот, подряд взяли, три дома срубить. Понимаешь что в нашем деле?

Иван признался:

– Не особо разбираюсь, но что работа ваша чистая – вижу.

– Молодец! – Похвалил старший. – Я заметил, что ты тонкую щепочку взял и в переплет засунуть пробовал. Получилось?

Иван засмеялся:

– Ну и глаз у тебя, я вроде старался незаметно. Хорошая работа, ничего не скажешь!

– А мы, парень, не для того, чтобы курам на смех, а гордость свою вкладываем. Спроси любого, где мы дома ставили, что за Варнацкая бригада, тебе скажут. Мы впятером, два брата с сыновьями. Из староверов, было бы тебе известно, так что ни гульбы, ни перекуров. Может, вера уже и не та, мы с братом повоевали. Ты тоже не отсиделись? Я вижу, что бывалый. Молимся вечером, но главное от стариков взяли: жить по совести.

Ивану это интересно:

– А плотницкое дело в роду у вас?

Старший потер затылок:

– Да как тебе сказать? Дед с артелью ходил, мы с малых лет с топором баловались. Бывало, приду на стройку, ребята сладкий сок с берез скоблят, а я норовлю потесать что-нибудь. Отец заметил интерес, то отпилить что позовет, то по доске прочертит, потесать даст, то покажет, как одним ударом гвоздь забить. А потом обчертил выем в бревне и говорит: «Ну-ка, Егорка, меня Егором зовут, выбери это топориком». Я на радостях сначала с одной стороны за черту ушел, потом и с другой туда же направился. Испугался, сию, нос повесил. А дед подошел, хлопнул по плечу: «Не горюй, Гошка, как бы ни клин да мох, так и плотник бы сдох».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.